

Село Кубачи находится в 90 км от Дербента в горах на высоте около 1650 м над уровнем моря. Большая часть пути пролегает по горному серпантину. Добраться до села можно на автобусе из Махачкалы (есть два рейса в день) или из Дербента (один рейс в день), но удобнее всего самостоятельно на машине либо с экскурсией. Помимо сторожевой башни туристы осматривают старое село — украшенные резными камнями остатки мечетей, возведенные в конце XIV века.

войн и междоусобиц это ремесло не только кормило жителей, но и оберегало: оружие и кольчуга были нужны всем, поэтому чем больше было сражений, тем больше заказов у кубачинцев. Враждующие стороны не трогали село. Так эти рассыпанные по горе каменные постройки прошли сквозь века, обрстая новыми этажами и соседями.

Ремесла кормят кубачинцев и сегодня. Каждый житель аула либо ювелир, либо вышивальщица: ремеслам тут обучают с первого класса школы. Вместе с аттестатом выпускнику школы выдается свидетельство о присвоении квалификации ювелира.

Кубачинцы изготавливают столовое серебро (стаканы, кувшины, вазы), женские украшения (кольца, серьги, браслеты), сувенирное холодное оружие (ножи, шашки, сабли). Из материалов помимо серебра ювелиры используют железо, медь, латунь, бронзу и золото или слоновую кость для украшения изделий. По словам гида Дауда, заказчики в основном предпочитают изделия, созданные по традиционным технологиям, но по их желанию могут применяться и новые, например литые или лазерная гравировка. Инструменты для традиционной гравировки или резьбы каждый мастер делает себе сам.

— А если кому-то не нравится эта работа? — спрашиваю у дочки гида. После экскурсии Дауд пригласил нас домой, чтобы угостить горным иван-чаем и показать свой рабочий кабинет.

— Таких нет, — удивляется девочка, — но бывает, что девочкам ювелирка интереснее.

— Женщины чернение делают, — поясняет Дауд. — В школе обучают всем этапам изготовления ювелирного изделия, а потом каждый занимается тем, к чему душа лежит.

Дауд — художник-гравировщик. Он создает узоры — сначала на бумаге, потом на серебре.

Молоточком выбивает точки на фоне, узким лезвием прорезает очертания листьев и цветов. Орнаменты у кубачинцев растительные — есть, например, композиции, похожие на дерево, плетение или круг с лучами, напоминающий цветок или солнце. Дауд в основном выполняет частные заказы, а в свободное время воплощает собственные идеи. На изготов-

ление серебряных ножен у Дауда ушло два года, и он оценивает их в 600 тыс. рублей.

Клиентов Дауд находит в соцсетях. По его словам, при заказе напрямую у мастера изделие будет на 30–50% дешевле, чем в магазине. В советское время кубачинцы работали на художественном комбинате. Сегодня при нем есть музей, где можно увидеть, например, вазу «Вожди» с портретом Сталина, подаренную главе государства жителями села. Комбинат и сегодня считается действующим, но цеха пустуют. Говорят, что комбинат получает мало заказов и задерживает зарплату, поэтому мастера предпочитают искать клиентов самостоятельно. Проблем с этим у кубачинских ювелиров нет — бренд известен почти век, а сталь считается самой крепкой в мире.

— Нож из кубачинской стали может гвоздь-двухсотку разрубить! Я на него с друзьями спорил, — рассказывал мне таксист из Дагестана. — Говорил, что мой нож невозможно разрубить, они проверяли своими ножами, а победитель забирал оружие проигравшего. Так у меня коллекция где-то из тридцати ножей собралась — кубачинский ни разу не проиграл. А потом его украли. Но это нормально: в Дагестане не принято дарить ножи — только красть.

А в ауле Кубачи ножи принято создавать. Секрет стали здесь передается от отца к сыну. Внедриться в эту цепочку со стороны невозможно: кубачинцы женятся только на кубачинках. То есть в селе все родственники! Вот и объяснение тому, что все женщины на одно лицо. В Кубачи живет около 3 тыс. человек. Неизвестно, когда появилась традиция создавать семьи только с выходцами из Кубачи, но есть версия, что это произошло в конце XVII века, когда от создания оружия жители аула стали переходить к работе с драгоценными металлами.

Сегодня уклад жизни в ауле Кубачи во многом такой же, как и столетия назад. Здесь нет водопровода, и женщины носят питьевую воду в кувшинах из родников: 10 литров на спине и еще 2,5 литра — в противовес, спереди. Легенда гласит, что эти кувшины однажды спасли аул. Во времена персидского нашествия во главе с Надир-шахом часовые со сторожевой башни увидели на горизонте войска. А из оружия в ауле были только серебряные ножи со стальными лезвиями да инстру-

менты для их создания. Всю ночь совещались старейшины, понимая, что противостоять врагу они смогут только хитростью. К утру выход был найден. Кубачинцы разложили на плоских крышах домов кувшины зияющими горлышками вперед, а на улицах развели костры. Издалека враг принял горла кувшинов за стволы пушек и, чтобы избежать лишних потерь, обошел аул стороной.

Первые кубачинцы были христианами, и когда в Дагестан пришел ислам, этот аул оставался христианским еще лет двести. В нем до сих пор сохранились отголоски прежней веры — например, за умерших родственников кубачинцы раз в год ставят свечки.

Из инфраструктуры в ауле есть несколько продовольственных магазинов и кафе, школа и дом культуры.

— А как вы покупаете одежду или мебель? Неужели за всем в город за сто километров ездите? — спрашиваю Дауда.

— Нет, заказываем в службах доставки Wildberries, Lamoda, «Почта России» и забираем в постанате.

Как и все здешние постройки, дом Дауда вписан в ландшафт и издалека напоминает ступеньку горы на пути к ее вершине, но внутри он просторный и минималистично обставленный: дерево, стекло и вышивка и вид на горы через пластиковые окна.

— В детстве мы по крышам бегали, — рассказывает хозяин дома, — потому что здания в селе очень близко друг к другу стоят. Но сейчас ребятишки уже так не делают: железо на крыше грохочет, и родители их ругают.

Дети Дауда увлекаются тем же, чем и взрослые, — одна из дочек показала свою вышивку: золотые цветы на белом полотне. Такой узор мог бы украсить платок, предмет гордости местных девушек. По нему можно определить статус женщины: у замужних цветы крупные, а у незамужних платки с мелким узором. Платки с золотыми нитями стоят от 50 тыс. рублей до нескольких сотен тысяч.

— А бывает, что кто-то эмигрирует? — спрашиваю я.

— Некоторые уезжали на несколько лет повышать квалификацию по ювелирному делу в США и Англию, — кивает Дауд, — но таких, кто переехал за границу, нет. Пожижут несколько лет и возвращаются.